

УДК 316.346.32 – 053.81 (100)

МОЛОДЕЖЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

О.Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: Filmon-2006@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблемы интеграции молодежи в экономические процессы. Внимание фокусируется на тенденции интеллектуализации труда и новых требованиях, предъявляемых к общему рынку людей. Запрос современной экономики на интеллектуальный ресурс вывел на передний план критерии образования, профессиональной компетенции, творческого потенциала.

Ключевые слова: социализация, молодежь, образование, интеллектуализация труда, творческая активность, инновация.

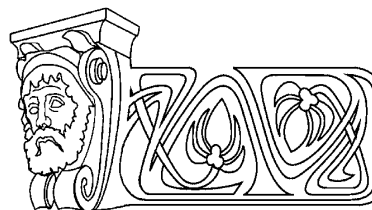
**Young People, Education, Labour Intellectualization:
Trends and Contradictions**

O.F. Filimonova

This article covers the analysis of the problem of the youth integration into the economical processes. Attention is focused on the labour intellectualization trend and new requirements presented by the people common market. The needs of the modern economy in the intellectual resources brought to forefront the criteria of the education, professional competence, creative potential.

Key words: socialization, young people, education, labour intellectualization, creative activity, innovation.

Время экономических реформ, которое длительно переживает Россия, вывело на первый план вопросы профессиональной готовности к труду молодого поколения. Роль такого рода рабочего ресурса стала исключительно значима в силу ряда обстоятельств. Прежде всего, высокотехнологический характер рыночной цивилизации неизбежно оказывается связанным с образованием и научными исследованиями. Эта связь взаимозависима и взаимодополнительна: если образовательные институты стимулируют экономическое развитие посредством подготовки кадров, исследований и новых разработок, то экономика, в свою очередь, обеспечивает рост их материальной основы. Поэтому обслуживание целей современной экономики, решение ее производственных и коммерческих проблем нуждается, в первую очередь, в квалифицированных, мобильных и способных к новаторству специалистах.

Особая роль человеческого фактора в процессах социально-экономического развития сегодня безусловно осознается. Однако такое понимание, как мы можем видеть, не исключает признания того факта, что принципы и способы деятельности человека определяются единством его индивидуальных устремлений и теми условиями хозяйственной жизни, в которых эта деятельность реализуется. Условия могут благоприятствовать осуществлению индивидуальных целей и, наоборот, способны ставить препятствия их достижению. Современная практика экономической жизни демонстрирует серьезные противоречия между целями и интересами молодежи и институциональными порядками и нормами. С одной стороны, спектр побудительных мотивов к деятельной самореализации обогащается благодаря социальному и правовому самосознанию, информированности, с другой – угасание стимулов к труду и деформация его ценностной основы отягощаются пассивностью, нежеланием и неспособностью трудиться инициативно.

В данной статье мы сфокусируем внимание на процессе интеллектуализации труда и тех изменениях, которые повлияли на трудовую занятость молодежи. Попытаемся коротко их обозначить. Прежде всего, *экспансия образования* – явление, которое нашло свое идеологическое оформление в новом взгляде на образование как универсальный «институт первостепенной важности по всему миру»¹. В сущности, здесь идет речь о совершенно новой перспективе – непрерывном (индивидуальном) образовании или движении от частичного и ограниченного образования к образованию интегрированному и продолжительному. В реальности это требует трансформации всей системы обуче-

ния, расширения ее в пространстве, времени и обществе. Школа, работа, отдых, окружение, семья, общество, международные отношения – все эти жизненные сферы должны быть охвачены непрерывным образованием, которое, действительно, сегодня предстает одним из самых разветвленных социальных институтов в виде развивающейся иерархии учебных заведений с определенными специализированными функциями.

Проблема непрерывного образования возникла в связи с техническим прогрессом, постоянным ростом научной информации и обновлением знания. Человек вынужден периодически пополнять запас знаний и потому не может говорить о завершении своего обучения в любой его форме². В этих обстоятельствах меняется и задача высшей школы: университет должен не давать сумму знаний, а развивать способность к постоянному самообновлению. Однако, согласно существующему мнению, именно этого современная система высшего образования предоставить не в силах³. Отсюда следует, что непрерывное образование призвано сформировать личность, стремящуюся через самосовершенствование реализовать свои интеллектуальные, эмоциональные и творческие возможности и таким образом предоставить каждому шанс на социальный успех.

Надо сказать, что основания подобного рода демократических предположений коренятся в более фундаментальных идеологических построениях, в частности, идее о природе «совершенного общества» и роли высшего образования (знания) в нем. Достаточно сослаться на замысел Дж. Хаксли о создании фонда научных знаний в рамках его проекта международного правительства и концепцию холистического образования Э. Ласло⁴, чтобы почувствовать в целях его массовизации интенции, скорее, унифицирующего свойства и элитарные, нежели демократические импульсы. Реальность такова, что рост возможностей получения образования сопровождается часто усилением структурных диспаритетов, а не уменьшением. Соответственно, образование и неравенство остаются не взаимоисключающими, а сосуществующими явлениями.

Другой существенный аспект интеллектуализации труда связан с *доминированием экономической функции образования*. Здесь просматривается связь университетов и институтов высшего образования с экономикой через рынок профессиональной рабочей силы, исследования прикладных наук и через расширяющееся потребление «высокой культуры». Иначе говоря, традиционные функции высшего образования – знание ради знания, воспроизводство культурной и правящей элиты – дополнились экономической функцией. Этот процесс находит выражение в создании университетов, которые представляют собой особые формы предпринимательства. Они функционируют в качестве научно-исследовательских центров с целью технологического новаторства по принципу «исследования по заданию» и в полной зависимости от финансов и интересов заказчика. Последствием такой практики явилось расширение взаимовыгодного обмена новейшей информацией между исследовательскими центрами фирм, высшей школой и промышленными предприятиями. Например, в США, ФРГ и Франции в подобных сетях взаимодействий участвуют до 30% инженеров, преподавателей колледжей, университетов и научных сотрудников исследовательских промышленных центров⁵.

В России невостребованность научного потенциала сказывается не только на его неэффективной растрате (эмиграция молодых ученых и исследователей, безработица, низкая мотивация и т.п.), но и на новых наборах университетов и колледжей, особенно на научно-технические факультеты, для выпускников которых трудовой рынок существенно сократился. Использовать специалистов подобного рода препятствует, несомненно, экономический спад и отсутствие спроса на научно-технические изобретения со стороны реального сектора экономики, но главное – нежелание создавать, т.е. вкладывать инвестиции в научные исследования и изобретения, в современную школу подготовки отечественных ученых и технически образованного персонала. Поэтому риск прямых материальных потерь для страны (в производстве, национальном доходе, прибыли и т.п.) очевиден.

Интеграция высшей школы с экономикой влечет за собой определенные побочные эффекты. Проблема для университетов заключается, во-первых, в сложности оптимального совмещения учебной и исследовательской деятельности. Согласно мнению западных исследователей, работники преподавательского «дела» разделятся на две обособленные группы: небольшая часть сконцентрируется на исследовательской работе в элитных школах, университетах, научных центрах, остальное большинство, которых У. Метцгер назвал «люмпен-профессориадом», осядет во второсортных учебных заведениях⁶. Во-вторых, сложность заключается в ограничении академической свободы, т.е. деформации традиционно независимого и бескорыстного творческого поиска новых научных знаний. Иначе говоря, серьезному испытанию подвергаются рациональность и основополагающие принципы, на которые опирается наука и которые дают направление процессам и организации научных изысканий. Если в системе капиталистического хозяйствования трудно предугадать ход экономического развития, то тем более невозможно планировать научные результаты.

Наконец, *субъективный фактор*, усиление роли которого является наиболее значимой тенденцией интеллектуализации деятельности. Без учета личностных характеристик трудно выявить способности и потенциал экономических субъектов. Если знания связаны с уровнем специальной подготовки, а навыки – со степенью практического освоения данного вида работы, то пригодность и готовность к конкретному труду – с личностными качествами. В этом случае речь идет не только об образовании, но об общей культуре специалиста, т.е. не только о профессиональных, но и надпрофессиональных требованиях к квалификации. Коротко рассмотрим некоторые составляющие субтитуттов, востребованные на общем рынке интеллектуального труда.

Самопродвижение, или *мобильность*, которая основывается не только на изменениях в образовании и структуре занятости, но влечет за собой и повышенные требования к личностным ресурсам. Семья, т.е. сре-

да происхождения является тем сегментом общественной структуры, где они кумулируются. Материальный потенциал (бюджет), социальные ресурсы (формы жизни и социальные сети) семьи как совокупный культурный капитал влияют на использование имеющихся резервов действия, на неравенства разного рода. Как показал П. Бурдьё, семья обеспечивает не только статусные ресурсы, но посредством социализации передает образцы габитуса и стратегии, при помощи которых можно достичь определенных социальных позиций. Тот факт, что небольшая успешная группа молодых российских бизнесменов поддерживается и защищается влиятельными родителями, занимающими административное или правительственное положение, говорит о том, что профессиональная мобильность молодежи детерминирована в большей степени структурными факторами, нежели образовательными⁷. Семьи с незначительными ресурсами не могут оказать такую поддержку. Иначе говоря, в процессе социальной мобильности существует огромная инерция и фильтр классового отбора. Те, кто, благодаря унаследованному капиталу, имел лучшие шансы в молодости, имеет явные преимущества и в более зрелом возрасте.

Значение образования как биографического факта трудно переоценить, поскольку оно обуславливает жизненные возможности, непосредственно связанные с доходом, условиями труда, размером пенсии, выбором партнера, здоровьем. Однако сегодня оно больше не готовит человека к трудоустройству, а создает лишь видимость дополнительных возможностей для социальной мобильности, в силу чего прямая зависимость между квалификацией, карьерой и доходом просматривается довольно слабо. Вместе с тем сохраняются установки, привитые опытом родителей, что образование есть путь к карьере и материальному благополучию. По результатам исследований российских социологов, молодые люди убеждены, что накопление образовательных ресурсов не только предопределяет объективное социальное положение, но существенно сказывается на их самооощении. При оценке возможности

реального достижения материального благополучия в процессе жизни молодежь проявляет достаточно высокий уровень социального оптимизма⁸. Возможно, все это указывает на значимость родительского мнения и совета, т.е. сохранение базовых ценностей семьи, адаптация их к новым условиям дают место таким приоритетам, как самоопределение и самореализация. Однако склоняешься к мысли, что фактор опасности в молодости осознается довольно слабо. На самом деле, ситуация небезопасна: более 2/3 молодых людей с профессиональным образованием не работают по своей специальности, около 60% из них занимаются неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом⁹. Поэтому идеалистические притязания молодых далеки от взвешенного рационализма: в реальности российская молодежь испытывает понижение профессиональной и социальной мобильности.

Самосовершенствование связано с над-профессиональными требованиями к квалификации, что требует не только функциональной образованности, но и высокого уровня общей культуры. Большое значение придается дисциплине, ответственности, упорству, велика цена абсолютной корректности в манерах, внешности и одежде, ценятся также представления в области искусства, знание иностранных языков, увлечение спортом. Таким образом, комплекс личных заслуг интегрирует профессионализм, этические, эстетические и физические качества, что отвечает теории «человеческого капитала».

Подобные критерии предъявляются не только к административным кадрам, занятым в экономике, но и работникам свободных профессий в основном за счет изменяющихся общих условий в сфере труда и связей со смежными профессиями. По этой причине в трудовой деятельности утверждаются принципы, в основе которых лежит постоянное обновление знаний, освоение новых специальностей и поддержание физического тонуса. Все это укладывается в представление о полностью индивидуализированном профессионале на рынке труда, который постоянно совершенствует квалификацию, готов к работе в любой момент и всегда может адаптироваться к меняющимся условиям.

В этих обстоятельствах идея самосовершенствования приводит к пониманию того, что в дальнейшем в структуре занятости потребуются на конкурентных началах специалисты значительно более высокого уровня технической компетенции, нежели сейчас. Данное предположение принадлежит теории «пролетаризации интеллигенции»¹⁰. Согласно прогнозам, более 1,2 млрд высококвалифицированных специалистов во всем мире теснят друг друга на рынке труда, а в наступившем веке потребуется всего лишь 1/5 всех имеющихся трудовых ресурсов. Настроение остального трудоспособного населения придется поддерживать путем *tittytianment*, то есть сочетанием развлечения и «подкармливания»¹¹, и экономика готова субсидировать эту операцию. Однако существуют указания, почерпнутые из наблюдений и прикладных исследований, на то, что значительное число молодых образованных людей, занявших такую социальную нишу, либо лишаются перспективы на будущее и профессиональных планов, либо бывают заняты в маргинальных профессиях, ведя образ жизни, противоречащий интеллигентному. Всё шире круг тех, что отбраковываются как «экономически неактивные» (У. Бек). Пока универсального решения данной проблемы не предвидится, складывается ситуация, которую социологи идентифицируют как модель «исключения».

Явление «избыточной квалификации» породило структурную безработицу и дифференциацию в интеллектуальном секторе. В результате требований экономики к профессиональному профилю интеллигенции появилась элита, которую составляют те, чьи полезные знания и/или более редкие способности прошли жесткий отбор на соответствие интеллектуализированному труду. От работодателей (экспансия административной рациональности) зависит расширение и в то же время увеличение разрыва (в зарплате, роли, уважении, статусе) относительно тех, чей труд не будет подобным образом стандартизирован. Поэтому, чтобы не «сойти с дистанции», образованные индивиды должны обеспечивать свой социальный рост за счет личных достижений и самопрезентации большего объема культурного капитала. Од-

нако такие процессы «роста компетенции» по принципу «я таков, каким вы хотите меня видеть», на деле оказываются, по оценке Р. Хойслинга, новой формой отчуждения¹².

Творческая активность образует некое движение между тем, что уже дано, и тем, что можно создать самим, и предполагает все то, что связано с инициативой, критическим мышлением и независимым поиском – это идеи, образы, методы, способы познания, анализа, убеждения и действия в условиях сложной реальности. Творческая активность есть специфический фактор, который ориентирован на экспансию, изменение и создание нового в любой сфере деятельности.

При инновационном характере современной науки, техники и экономики соотношение труда и творчества приобрело ключевое значение. Сегодня речь идет о всеохватывающем творчестве. Нововведения прогрессивного типа (которые теперь непредставимы без внедрения множества технических средств) и производительные силы как *primum mobile* здесь основополагающи, поэтому в современной экономической жизни в отличие от индустриальной эпохи масштабная интенсификация творческих усилий порождается иной социальной конфигурацией и внутренней интенцией, коротко рассмотрим их.

Центральным мотивом творческого активизма является уникальная потребность в поиске, в постоянном стремлении к изменению, которое выступает как бы движущей силой саморазвития индивида. Действительно, творчество есть идеальное сочетание инициативы и положительных эмоций. В этом смысле нравственные и интеллектуальные свойства личности непосредственно проецируются на инновации. Показательно, что М. Хальбвакс относил стремление трудиться одновременно к области эстетики и морали.

Наиболее социально влиятельными сферами инноваций сегодня предстают техника, наука, искусство и СМИ. Как правило, новое в этих областях достижимо лишь в комплексном сотрудничестве, поэтому творческие процессы отчасти смещаются от индивидуализированных достижений к интерак-

тивному полю коллективной работы, вместе с тем, они открыты для индивидуальных траекторий. Существующее разнообразие условий, контекстов и потенциалов для создания нового, с одной стороны, обусловило плюрализацию творческих решений, с другой, повысило случайный характер каждой новинки, поэтому неопределенность является сопутствующей чертой многих проектов и нововведений. Такая неустранимая неопределенность и субъективные моменты творческой инициативы связаны с известной долей риска, а также приводят к несоответствию «нравственных» деловых стремлений с их «безнравственной» практической реализацией, на что обращал внимание Р. Мертон. Отсюда возникает риск, связанный с незаконной деятельностью и деятельностью вне рамок культурного приличия. Особенно явно такая тенденция находит проявление в искусстве и СМИ: если наука и техника стремятся к точным и максимально вероятным результатам, то искусство и массмедиа (с их познавательными и аналитическими структурами) могут рассчитывать лишь на результаты, последствия которых непредсказуемы. Известно, что в фазе нестабильности достаточно одной мысли, чтобы система стала развиваться в другом направлении. В этом смысле значимость интеллектуальной деятельности, аутентичную творческую силу которой оригинально описал Й. Шумпетер¹³, неизмеримо возросла и расширилась. Центральный тезис размышлений австрийского экономиста состоит в том, что находящаяся под знаком свободы и демократии стратегия творчества располагается на уровне определенных культурных сил – интеллектуалов, чье искусное владение словом, установка на критику, а также отсутствие практических знаний и прямой ответственности за практические дела способны значительно воздействовать на социальные институты. В этом контексте идеологическая семантика деятельности интеллектуалов отсылает к ценностям буржуазного оттенка.

Искусство и СМИ являются экспериментальными площадками для творческого активизма молодых. Здесь устанавливаются новые критерии и достижима любая траекто-

рия, по крайней мере, в воображении. Эта ситуация с точки зрения «конфликта поколений» имеет две особенности. Во-первых, аутентичность, стремление к экспрессивному самовыражению и непохожести на «взрослое» общество воодушевляет на преодоление границ конкретной системы социальных и культурных норм, во-вторых, возможные пути к этой цели в значительной степени сводятся к отклоняющемуся поведению. Импровизация, необычная образность, двойственность, ассоциативность понятий и слов, типичные для молодежных форм выражения, обнаруживают, с одной стороны, явный порыв к славе (как возможность быть услышанным/увиденным публикой), а с другой – желание перемен, попытку всё подвергнуть испытанию, поставить под вопрос вескость традиционных ограничений. То, что несет в себе «новая» заниженная эстетика (жанр «благг», инвектив в качестве оскорбительной ценности и т.п.), может служить яркой иллюстрацией расшатывания и дестабилизации фундаментальных убеждений. Однако креативность молодых является не столько движением в сторону зрелости, сколько рефлексивным сдвигом, перетолковыванием, в результате которого звучит ответ и провокационный вызов «взрослым» посредством иного типа видения. При этом радикальность творческих решений лишена всякого метафизического проекта (что типично для значительной части сегодняшней российской молодежной культуры). Семантика их открыта: исключительная приземленность, сильный упор на зарабатывание денег, карьеру и успех (экономическая рациональность как принцип жизни) уводят от всего того, что связано с духом, с чисто человеческими идеалами. Сегодня настоятельно растет потребность в образцах обязывающих ценностей, тем не менее любое намерение конт-

ролировать ценностный кодекс интеллектуалов неизменно «наталкивается на частные бастионы буржуазного бизнеса», если воспользоваться для заключительного вывода выразительной репликой Й. Шумпетера.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Конструктивные и деструктивные формы социализации молодежи» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- ¹ Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С.195.
- ² Сидоров В.А. Образование и подготовка кадров в условиях новой технической реконструкции. М., 1990. С.262.
- ³ Кризис высшего образования в капиталистических странах. М., 1976. С.68.
- ⁴ См.: Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С.102–103.
- ⁵ Бушмарин И. Трудовые ресурсы творческого типа. М., 2002. С.10.
- ⁶ Кризис высшего образования в капиталистических странах. С.154.
- ⁷ Чупров В., Зубок Ю. Интеграция или исключение: молодежь и рынок труда в России // Международный журнал социальных наук. 2000. № 31. С.63.
- ⁸ Пасовец Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социс. 2010. № 3. С.105.
- ⁹ С 1990–2000 гг. пропорция молодых людей с высоким профессиональным статусом сократилась, а с низким – удвоилась (см.: Чупров В., Зубок Ю. Указ соч. С.60).
- ¹⁰ Будон Р. Место беспорядка. Критика теории социального изменения. М., 1998. С.118.
- ¹¹ Штайльман К. Глобальная конкурентоспособность, задачи трансформации и социально-психологические аспекты управления // Полития. 1998. № 1.
- ¹² Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003. С.96.
- ¹³ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1998. С.201–214.